

UNITED WISDOM

Тело и среда в феноменологии Мерло-Понти

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-09-N04 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Тело и среда в феноменологии Мерло-Понти

Эпиграф

> *Мир — не то, что я мыслю, а то, что я проживаю.*

Морис Мерло-Понти, Phenomenology of Perception, Preface, p. xviii, полный текст предложения в переводе Колина Смита; собственный перевод United Wisdom через английский.

О чём эта статья

В знакомой читальной комнате стол может сразу появиться как место для книги, стул — как возможность сесть, проход — как путь к полке. Можно измерить расстояния между этими предметами, но измерение ещё не описывает, как пространство доступно конкретному человеку с определённой целью. Феноменология Мерло-Понти позволяет поставить вопрос о теле, через которое мир переживается и становится местом действия. Мы прочитаем выбранные места английского перевода «Феноменологии восприятия» и ограниченно сопоставим их с историческим рассуждением Джеймса о привычке. Основной разбор будет авторским: что меняется, когда человек несёт сумку, ищет книгу, узнаёт знакомое расположение или встречает препятствие. Философское описание не доказывает нейронный механизм, не делает любое чувство безошибочным и не требует особой телесной практики. Оно помогает точнее назвать отношение между предметом, возможностью действия и ситуацией.

I. Тело, которое описывают, и тело, через которое действуют

Тело можно описать со стороны: рост, положение руки, расстояние до стола. В нашем придуманном случае человек входит в читальную комнату, держа сумку и собираясь достать книгу. Для него рука сейчас не просто предмет определённой длины. Она занята сумкой, может освободиться, потянуться к столу или открыть застёжку. В таком описании появляются возможности и связи с целью. Это не отрицание внешнего измерения, а другой вопрос к той же ситуации. Длина руки остаётся измеримой, но знание длины не говорит, свободна ли ладонь, удобно ли поставить сумку и относится ли видимая поверхность к месту, куда разрешено положить вещи.

В выбранных местах Мерло-Понти тело рассматривается в отношении к переживаемому миру и действию, а привычка — через освоение значения движения и инструмента. Мы

@andrey.zarinsh @ilkutki

используем эти вопросы в пределах прочитанных страниц, не объявляя обзор всей философии автора. Его описание является философским аргументом. Оно не служит современным испытанием того, насколько быстро человек освоит помещение или как устроены нервные процессы. Поэтому выражение «тело понимает» дальше будет означать обсуждаемый способ описать доступное действие. Оно не называет отдельного мыслящего существа внутри руки и не позволяет приписать каждому движению намерение, которого сам человек не выражал.

Если наблюдатель говорит «рука находится рядом со столом», он может верно описать положение. Если сам человек говорит «я пока не могу взять книгу», это сообщение не опровергается одной близостью руки. Книга может лежать под сумкой, быть закрыта прозрачной крышкой или относиться к другой задаче. Чтобы понять конкретное действие, нужно узнать, какой предмет имеется в виду и что означает «взять» в этом случае. Состояние руки, положение вещи и доступный переход связаны, но не совпадают. Наш пример позволяет рассмотреть связь без общего вывода, будто внешний взгляд бесполезен или непосредственное ощущение всегда лучше любого документа.

II. Близко и доступно — разные признаки

Пусть книга лежит всего в нескольких шагах от входа, но между входом и столом поставлена тележка. Это условие нашего вымышленного примера, не наблюдение реальной библиотеки. Геометрическое расстояние до книги может оставаться прежним, тогда как путь потребует обхода. Если человек видит предмет через стекло, визуальная близость тоже не означает возможности прикоснуться. Поэтому для обсуждения пространства нужно выбрать вопрос: где находится предмет, как его видно или каким способом до него добраться. Один ответ может поддерживать другой, но не заменять его. Уточнение не меняет размеры комнаты; оно меняет то отношение, которое мы описываем между человеком и вещью.

Слова «здесь достаточно места» также требуют предмета. Достаточно для человека без сумки, для разворота с большим предметом или для свободного прохода другого посетителя? В нашем случае сумка расширяет пространство, которое нужно учесть при повороте. Это условное рассуждение о заданной форме, а не универсальный норматив прохода или совет по безопасному устройству помещения. Размеры и действующие требования при необходимости проверяют отдельно. Феноменологический вопрос помогает заметить, что «место» используется в отношении к возможному действию. Чтобы обсуждение стало определённым, можно назвать это действие и предмет, не выводя числовую норму из собственного ощущения удобства.

Допустим, человек сначала ищет место для сумки, а затем место для чтения. Одна и та же поверхность может подходить первому действию и не подходить второму: сумку

можно поставить на низкую подставку, но читать там неудобно. «Подходит» здесь не общее качество предмета, одинаковое для всякого обращения. Оно связано с выбранным использованием. Это не означает, что вещь создаётся желанием. Подставка сохраняет высоту и форму, а человек обнаруживает разные возможности этих свойств в разных задачах. Разделив свойства и использование, можно объяснить изменение оценки без вывода, что предмет стал физически другим за минуту между двумя вопросами.

III. Цель меняет значимость окружения

Когда человек ищет книгу, названия на корешках могут быть главным признаком полки. Когда он ищет место для сумки, важны свободная поверхность и разрешённое использование. Это различие относится к нашему случаю, а не доказывает, что внимание всегда повинуется намерению. Можно не заметить нужное название или отвлечься. Но описание цели позволяет понять, почему один предмет обсуждают через текст, другой через опору. Окружение не превращается в беспорядочный набор ощущений, к которому только потом добавили совершенно постороннее дело. В сцене человек уже находится среди вещей, с которыми пытается сделать нечто определённое, и вопрос возникает внутри этой ситуации.

Поиск конкретной книги тоже отличается от свободного выбора чтения. В первом случае совпадение названия и автора позволяет продолжить проверку издания. Во втором обложка или знакомая тема может стать поводом остановиться. Нельзя считать одно обращение к полке более разумным только потому, что оно имеет более строгий критерий. Разные задачи допускают разные окончания. Чтобы объяснить, что произошло, достаточно назвать критерий текущего поиска. Наш разбор не назначает человеку правильную цель и не требует превратить чтение в заранее определённую процедуру. Он различает, какое отношение к вещам уже задано вопросом и какой выбор остаётся открытым.

При изменении цели можно заметить прежнее окружение заново. Человек нашёл книгу и теперь ищет свет, подходящий для чтения страницы. Лампа, которую он раньше воспринимал как часть общего оформления, получает определённую роль. Если лампа не включается, её значение для текущего действия также меняется: это видимая лампа, но пока не доступный источник света. Нужно различить опознание вещи и возможность использовать её сейчас. В нашем примере название предмета не гарантирует результата. Так описание среды становится точнее без сложного предположения о скрытой психологии: известно, что человек хотел делать, какой предмет выбрал и какой переход оказался неосуществлённым.

IV. Знакомое действие и новая ситуация

Человек мог много раз входить в эту комнату и ставить сумку на одну подставку. В придуманной сцене рука начинает привычное движение, прежде чем он замечает, что подставку переставили. Это не результат исследования и не диагноз рассеянности. Мы задаём условие, при котором знакомое направление больше не ведёт к прежнему предмету. Можно описать несовпадение действия и обстановки, не объясняя его устройством нейронов. Требуется остановить именно этот переход и увидеть новое расположение. Привычность прежнего движения не делает его плохим; она оказывается связанной с условиями, которые на этот раз изменились и потому нуждаются в уточнении.

Новое расположение можно узнать словами: «подставка теперь у окна». Но словесное знание и удобное обращение к ней тоже не обязаны возникнуть в один момент. Человек может правильно повторить место, оставляя сумку в другой руке и выбирая обход стула. Если действие замедлилось, одно это не показывает, что сообщение было непонятно. В нашем примере нужно соотнести положение, занятую руку и выбранный путь. Формулировка уже даёт основание искать у окна, тогда как конкретный переход ещё выстраивается. Различие помогает описать ситуацию без оценочного требования двигаться быстрее или предположения, что понятое слово обязано немедленно превращаться в одинаковое движение у каждого.

Можно также сохранить удачную привычную часть действия. Человек знает, как открыть сумку и найти записанное название книги; перестановка подставки этого не отменяет. Если изменилось одно условие, весь освоенный опыт не становится недействительным. В сцене полезно определить, какая часть связана с прежним местом, а какая зависит от самой сумки или записи. Это разбор отношений, а не обещание быстрого переучивания. Некоторые изменения могут требовать значительного времени, помощи или иной организации. Наш ограниченный случай не устанавливает общую норму адаптации и не превращает способность описать поправку в обязанность немедленно справиться без поддержки.

V. Инструмент в отношении к миру

В выбранном разборе Мерло-Понти трость появляется как инструмент восприятия, а не только как предмет отдельного рассматривания; освоение инструмента связано с полем действия. Это философское описание, не инструкция для незрячих людей и не современное исследование всех пользователей трости. Для собственного примера мы выберем иной предмет: человек использует простую закладку, чтобы сохранить место в книге. Пока он рассматривает закладку, важны её форма и надпись. Когда отмечает страницу, предмет участвует в возвращении к тексту. Эти обращения различимы. Инструмент не исчезает физически, когда его собственные свойства перестают быть главным предметом внимания, и не сливается с человеческим сознанием.

У закладки есть понятная граница возможности. Она отмечает страницу, но не сообщает, какая мысль была последней понятой или с чем читатель согласился. Два человека могут остановиться на одной странице с разными вопросами. Если требуется сохранить вопрос, его можно записать отдельно. Значение инструмента связано с тем, что он действительно позволяет сделать в нашей сцене. Название «память книги» может быть удобной метафорой, однако оно не расширяет функцию предмета. После паузы отметка помогает найти место; содержание прежнего размышления не следует считать полностью восстановленным только потому, что страница открыта правильно и предмет продолжает лежать между теми же листами.

Если закладка выпала, можно обратиться к названию главы или заметке, а не считать весь опыт чтения утраченным. У разных средств сохраняются разные признаки: страница, тема, вопрос, дата. Их сопоставление позволяет продолжить ограниченное действие, когда один предмет больше не выполняет прежнюю роль. Это авторский пример, не испытанный метод улучшения памяти. Он показывает, что отношение тела, вещи и задачи не сводится к наличию инструмента рядом. Нужно узнать, как он используется и какой результат обозначает. При этом человек может отказаться от выбранного средства и читать иначе, сохраняя собственную цель, вместо требования обязательно включить любой предмет в телесную привычку.

VI. Среда не совпадает с желанием

В нашей комнате человек может ожидать, что лампа включится, но выключатель не даёт света. Его цель остаётся понятной, а предмет не отвечает ожидаемым действием. Это важное различие: переживаемая возможность не всегда оказывается реализованной. Нужно выяснить конкретное условие — подключена ли лампа, доступен ли другой источник, можно ли выбрать другое место. Мы не предлагаем техническую диагностику устройства. Рассматривается переход между ожиданием и фактически доступным результатом. Само намерение читать не создаёт освещения, как и узнавание лампы не доказывает её исправности. Среда в этом примере имеет свойства, которые способны ограничить действие независимо от уверенности человека.

Сохранить это сопротивление важно и при описании пространства. Человек может ощущать путь коротким, но встретить закрытую дверь. Ощущение краткости относится к прежнему ожиданию или видимому расстоянию; закрытие относится к текущему доступу. Оба сообщения могут быть верными в своих пределах. Вместо спора «комната удобная или неудобная» можно назвать конкретную связь: выбранный путь сейчас закрыт, другой путь ещё не проверен. Такая формулировка не отменяет переживания и не делает его последней мерой действительности. Она позволяет перейти от общего впечатления к предметному вопросу, сохраняя неизвестную часть неизвестной, пока человек не получил подходящих сведений или не выбрал иной доступный способ продолжения.

В таком разборе мир не является ни чистой проекцией мысли, ни перечнем вещей, совершенно не связанных с действием. Условная сцена содержит и свойства предметов, и цель, и способ обращения. Например, высота полки ограничивает доступ, а вопрос о нужной книге определяет, почему эта полка сейчас важна. Если книга нужна только для уточнения названия, может хватить записи каталога; если для чтения страниц, требуется другой доступ. Замена способа зависит от содержания задачи, а не от общепринятого требования обязательно достать вещь собственной рукой. Можно продолжить иначе или остановиться, не превращая столкновение с ограничением в оценку личной состоятельности.

VII. Привычность не гарантирует подходящего действия

В исторической главе о привычке Джеймс обсуждает действия с меньшим сознательным вниманием и замечает, что привычное может оказаться неуместным в изменившейся ситуации. Это ограниченное сопоставление описаний, не современная проверка всех движений. Его соседние физиологические схемы и рассуждения о болезнях мы не принимаем как сегодняшние факты. Для нашей сцены важен вопрос об условиях знакомого действия. Посетитель идёт к прежнему столу, хотя нужная книга теперь на другой полке. Можно распознать старый маршрут и новую цель одновременно, без вывода, что опыт прошлого обязательно мешает. Несовпадение относится к одному маршруту и тому предмету, который ищут сейчас.

Если человек обнаружил ошибочный маршрут, исправление может быть небольшим: вернуться к нужной полке, сохранив знание названия. Но это не доказательство, что всякая привычка изменяется легко. Условие нашего примера позволяет такой переход; другие обстоятельства могут отличаться. Не стоит добавлять к обычному наблюдению обещание быстрого изменения характера или образа жизни. Вопрос здесь точнее: какой элемент движения больше не соответствует предмету? Указав элемент, можно выбрать следующую проверку. Если размещение книги неизвестно, полезен каталог или вопрос сотруднику, а не требование сильнее сосредоточиться на старом пути и тем самым сделать его верным для новой цели.

Удачное привычное действие тоже не обязано сопровождаться подробным словесным отчётом. Человек открывает сумку, но затрудняется сразу описать, какой рукой обычно держит застёжку. Это наш возможный случай, не критерий диагностики или тест памяти. Отсутствие готового описания не доказывает отсутствия умения. Обратное также сохраняется: хорошо рассказать о последовательности не значит показать её выполнение в любых условиях. У слова, движения и результата разные способы проверки. Можно уточнить рассказ или рассмотреть доступное действие, если это добровольно и уместно. Не требуется заставлять человека демонстрировать привычку, чтобы признать его свидетельство о собственном опыте и оставить открытыми непроверенные детали.

VIII. Та же комната для другого человека

Другой посетитель может находиться у того же стола, но читать другую книгу и иметь иную цель. Для него свободная поверхность служит местом для заметок, тогда как первый ищет возможность поставить сумку. Предмет остаётся общим, отношения к нему различаются. Чтобы договориться об использовании, можно назвать нужное действие и доступное место. Не требуется объявлять два переживания несовместимыми только потому, что слово «удобно» означает разные признаки. Наш пример допускает различие целей, не доказывая полного знания чужого опыта. Даже находясь рядом, человек узнаёт о намерении другого через его слова и действия, а не через автоматическое совпадение взглядов на комнату.

Также нельзя переносить собственную доступность на любого собеседника. Если я могу прочитать мелкий текст с выбранного расстояния, из этого не следует, что другой его видит так же. Можно спросить о подходящем способе представления, не устанавливая причину различия и не приписывая состояние здоровья. В нашей сцене достаточно предложить текст ближе, устное уточнение или другой доступный формат по желанию человека. Это обычное условное рассуждение о совместном чтении, не медицинская рекомендация. Общая вещь не требует одинакового телесного обращения к ней. Согласование способа помогает сохранить предмет разговора, а уважение к ответу оставляет человеку выбор участия и право не объяснять личные обстоятельства.

Если человек предпочёл слушать описание страницы, нельзя считать, что он получил все особенности непосредственного чтения. Описание может передать содержание предложения, не сохраняя шрифт, расположение или иллюстрацию. Когда именно расположение важно, его нужно обозначить отдельно доступным способом. При этом различие не образует иерархию достоинства людей. Мы сравниваем способы доступа к определённому признаку. Участник может сказать, что получил достаточное содержание для своего вопроса, или попросить другое. Понимание предмета разговора не требует присвоить чужой способ восприятия; достаточно сохранять, что именно передано и какой аспект ещё остаётся за пределами выбранного представления.

IX. Описание опыта и объяснение механизма

Мы можем описать, что в знакомой комнате человек сразу направился к определённой полке. Для объяснения того, как формировалось это умение и какие процессы сопровождали действие, нужны иные основания. Один рассказ о комнате не содержит результатов измерения мозга. Выбранный философский текст тоже не превращается в такое измерение благодаря точному описанию ситуации. Поэтому в статье остаются различимыми три уровня: исторический аргумент, авторская сцена и утверждение о механизме, которого здесь нет. Это позволяет пользоваться описанием по его назначению. Оно делает видимым отношение цели, предмета и движения, не претендуя одновременно на доказанный ответ о происхождении каждого элемента.

Отсюда не следует, что описание и исследование должны противоречить друг другу. Если отдельное исследование касается конкретного движения и условий, можно сопоставить его результат с подходящим вопросом. Но сначала придётся знать участников, задачу, измеренный исход и пределы вывода. В выбранном материале мы такого современного исследования не пересказываем. Исторические примеры пациентов и прежние физиологические объяснения остаются контекстом философских и психологических текстов. Их нельзя превратить в современную диагностику читателя или универсальное объяснение любой ошибки маршрута. Недостающие данные не заполняются тем, что история кажется знакомой: узнаваемость примера и эмпирическое подтверждение имеют разные основания.

То же ограничение относится к предлагаемому наблюдению. Если читатель рассмотрит положение книги и назовёт доступное действие, он выполнит именно этот небольшой разбор. Мы не заявляем, что после него улучшатся внимание, память или самочувствие. Для таких результатов понадобятся отдельные критерии и проверка. Можно заметить полезное различие, не добавляя ему измеренных последствий. Содержание упражнения поэтому достаточно конкретно: выбрать предмет, вопрос и способ доступа. Если оно не подходит текущей ситуации, можно обратиться к воображаемому примеру или оставить его. Философское чтение не создаёт обязанности постоянно наблюдать тело, контролировать каждое движение или искать скрытый смысл в любом ощущении.

X. Отношение тела и среды в одном действии

В нашей сцене действие «найти книгу» не исчерпывается ни внутренним решением, ни положением книги на полке. Есть человек с целью, доступный путь, обозначенное издание, способы чтения и фактические ограничения. Разные описания раскрывают разные связи этого действия. План комнаты сообщает о расположении, каталог о записи издания, движение о доступном переходе, слова о выбранном вопросе. Не нужно превращать одно описание в замену всем остальным. Напротив, можно понять, где именно каждый способ даёт содержание и какой вопрос оставляет открытым. Так отношение тела и среды становится предметом конкретного рассуждения, вместо общего заявления, что всё связано со всем.

Тело в этом разборе не добавлено к готовой мысли как позднее средство доставки. Уже вопрос «могу ли я взять эту книгу» включает положение, доступность и возможное обращение. Но и вещь не растворяется в переживании: она имеет место, форму и свойства, которые могут не соответствовать ожиданию. Мы сохраняем обе стороны выбранной сцены. Образование связи не равно совпадению человека и окружения. Возможность действия возникает в конкретном отношении и может измениться при перемещении вещи, смене цели или выборе другого способа. Эти изменения имеют разные причины в условном примере, поэтому их не следует описывать одним словом «настрой» и приписывать исключительно внутреннему состоянию.

Закончить разбор можно простым описанием достигнутого. Человек определил нужное издание и место, но ещё не получил доступ к страницам. Или открыл книгу, но не решил, подходит ли содержание его вопросу. Это разные результаты. Телесная доступность не гарантирует понимания текста, а понимание названия не означает выполненного действия. Сохранение этих различий позволяет читать философскую мысль о мире как проживаемом отношении без обещания безошибочности. Мы остаёмся среди вещей, которые можно искать, использовать, уточнять и оставлять; наши действия имеют основания и пределы. В этом ограниченном смысле тело и среда рассматриваются вместе, а человек сохраняет возможность выбрать, что делать дальше и нужен ли ему вообще следующий шаг.

Что это значит на практике

Выберите обычный предмет, который уже доступен в удобной ситуации: книгу, чашку или лист бумаги. Можно остаться неподвижным и рассмотреть его мысленно; никаких движений или изменений ощущения выполнять не требуется. Сначала назовите один вопрос о предмете: где он находится, что в нём нужно увидеть или какое обращение вы рассматриваете. Если реальный пример не подходит, используйте вымышленную читальную комнату из статьи.

Различите три сведения: свойство вещи, вашу текущую цель и доступный способ действия. Например: книга лежит на столе; нужно уточнить автора; имя можно прочитать на обложке. Если нужный текст закрыт, это отдельное условие доступа, а не доказательство недостаточного внимания. Не пытайтесь совершать неудобный или нежелательный переход ради упражнения. Можно назвать, какое сведение ещё отсутствует, и оставить его открытым.

Измените только вопрос в воображении. Для поиска автора достаточно обложки, для чтения главы нужны страницы, для сравнения изданий — другие признаки. Отметьте, что изменилось в значимости предмета и что осталось его свойством. Завершите одним предложением о фактически рассмотренном отношении. Практика авторская и добровольная; она не проверена как способ улучшения памяти, внимания или самочувствия. Её цель — различить вопросы и основания в одном ограниченном случае, без телесного контроля, медицинских выводов и требования постоянно наблюдать собственные движения.

Ключевая цитата

> *Тело — наш общий способ иметь мир.*

Морис Мерло-Понти, Phenomenology of Perception, часть I, глава 3, p. 169, полное предложение «The body is our general medium...», перевод Колина Смита; собственный перевод United Wisdom через английский.

Связи между традициями

1. **Мерло-Понти, Preface / авторский случай:** переживаемый мир ставит вопрос о доступном отношении, не превращая ожидание включённой лампы в факт её исправности.

2. **Мерло-Понти, пространственность / геометрическое описание:** положение вещи и возможность обращения к ней отвечают на разные вопросы в читальной комнате.

3. **Мерло-Понти, инструмент / закладка:** философское описание инструмента сопоставлено с собственным примером его ограниченной роли; закладка не хранит весь опыт чтения.

4. **Джеймс / Мерло-Понти:** исторические описания привычного действия дают разные направления вопроса; они не соединены в современный нейронный механизм.

5. **Оба автора / практика:** оригинальный разбор вещи, цели и доступа сохраняет пределы источников и не становится испытанным упражнением для памяти или внимания.

Первоисточники

1. Морис Мерло-Понти, Phenomenology of Perception, перевод Колина Смита: выбранные Preface pp. xvii–xix, часть I, глава 3, pp. 162–170 и глава 4, pp. 174–176; английская редакция и точные предложения указаны в подписях.

2. Уильям Джеймс, The Principles of Psychology (1890), глава IV, Habit: выбранные исторические описания привычного внимания и несовпадения действия с ситуацией; физиологические схемы не приняты как современные факты.

Теги

Мерло-Понти, феноменология, тело, среда, восприятие, пространство, действие, привычка, инструмент, опыт, Колин Смит, Джеймс, читальная комната, предмет, доступ, цель, расстояние, движение, книга, закладка, описание, механизм, границы, выбор, понимание, внимание, геометрия, перспектива, практика, United Wisdom

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.